

Đ

LEIF GW

PERSSON

**DEN SANNA
HISTORIEN OM
PINOCCHIOS NÄSA**

r o m a n

ЛЕЙФ Г.В.

ПЕРССОН

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ НОСА ПИНОККИО

р о м а н

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)
П27

16+

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Published by agreement
with Salomonsson Agency

Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой

Перссон Лейф Г.В.

П27 Подлинная история носа Пиноккио: роман / Пер. со швед. И. Петрова. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 447 с. — (Иностранный детектив).

ISBN 978-5-227-06201-7

Комиссар полиции Эверт Бекстрём приступил к расследованию убийства адвоката Томаса Эрикссона, известного сотрудничеством с местной мафией. А ровно за неделю до этого на стол комиссара попали еще два дела. Первое касалось домашнего питомца, изъятого у нерадивой владелицы по доносу соседки, которой неизвестные пригрозили смертью, если та не заберет заявление. Во втором случае, по показаниям анонимного свидетеля, высокородного аристократа избил каталогом лондонского аукционного дома Сотбис на парковочной площадке всего в сотне метров от апартаментов короля Швеции. Комиссар с командой опытных помощников выясняет, что у этих преступлений гораздо больше общего, чем район, где все произошло. В центре преступных интересов оказались редкие предметы искусства с богатой историей, которые принадлежали семье последнего российского императора и попали в Швецию вследствие брака особ королевской крови. Ставки в погоне за ценностями столь высоки, что все обманывают всех. Перед соблазном сорвать куш не устоял даже вооруженный мечом правосудия Бекстрём и параллельно с расследованием повел свою игру...

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Copyright © Leif GW Persson, 2013
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-06201-7

**ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ НОСА
ПИНОККИО**

р о м а н

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ КОМИССАРА ЭВЕРТА БЕКСТРЁМА

Было 3 июня, но, несмотря на понедельник и то, что его разбудили среди ночи, комиссар Эверт Бекстрём все равно посчитал этот день лучшим в своей жизни. Его мобильный телефон ожил ровно в пять утра, а поскольку звонивший упрямо не сдавался, ответ на вопрос относительно его личности не отличался обилием вариантов.

— Да-а, — буркнул Бекстрём.

— У меня есть для тебя убийство, — сообщил дежурный из полиции Сольны.

— В такое время, — проворчал комиссар. — Наверное, это король или премьер-министр?

— Да, пожалуй, еще лучше.

Его коллега с трудом сдерживал восторг.

— Я слушаю.

— Томас Эрикссон, — сообщил дежурный.

— Адвокат, — сказал Бекстрём, не сумев толком скрыть удивления.

«Ничего себе, — подумал он. — Это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

— Прямо в точку. Помня обо всех трениях между вами, я хотел первым сообщить тебе эту новость. Мне позвонил Ниemi из технического отдела и попросил разбудить тебя. В общем, прими мои поздравления, Бекстрём. Да и всего нашего участка тоже. Тебе крупно повезло.

— Насколько точно речь идет об убийстве? И действительно ли жертва именно Эрикссон?

— На сто процентов, если верить Ниemi. Бедняге, конечно, здорово досталось, но это, безусловно, он.

— Постараюсь не разрыдаться от горя, — пробурчал Бекстрём.

* * *

«Лучший день в моей жизни», — сказал он себе, закончив короткий разговор. От сна не осталось и следа, полная ясность в голове. В день вроде этого требовалось по максимуму использовать всю малость, оставшуюся от него. Не теряя ни секунды.

Он надел халат, пошел в туалет и стравил давление. Это давно уже вошло у него в привычку и стало рутинной: опустошить мочевой пузырь перед сном и как только встал, совершенно независимо от необходимости и от того, как его страдающее простатитом мужское окружение, похоже, тратило большую часть своего свободного от сна времени.

«Ну и напор, просто как из брандспойта, — самодовольно отметил Бекстрём, крепко держа свою суперсалями правой рукой и чувствуя, как резко понижается уровень жидкости в его вместительном нижнем отсеке. — Самое время восстановить баланс». И в качестве последней меры несколько раз встряхнул свой прибор, стараясь удалить остатки накопившейся в организме за ночь влаги.

А потом направился напрямиком на кухню приготовить себе полноценный завтрак. По-настоящему плотный, с толстыми ломтиками датского бекона, четырьмя жареными яйцами, тостами с маслом и приличным количеством клубничного мармелада, со свежавыжатым апельсиновым соком и большой чашкой крепкого кофе с горячим молоком. Расследование серьезного преступления было не тем делом, которым занимаются на пустой желудок, а частые неудачи его худых и недалеких коллег, питающихся исключительно морковью и овсяными отрубями, служили прекрасным тому подтверждением.

Сытый и довольный, Бекстрём пошел в ванную комнату и, хорошенько растерев тело мочалкой, долго стоял под душем, пока теплые струи воды смывали остатки мыла с его округлого крепко сложенного тела. Он насухо вытерся полотенцем и побрился обычным станком, обильно намылив щеки и подбородок специальной пеной. А в довершение всего почистил зубы электрической щеткой и, на всякий случай, прополоскал горло эликсиром с освежающим эффектом.

И только покончив со всеми этими предварительными процедурами и источая приятные запахи дезодоранта и прочих похожих средств, использованных на заключительной стадии каждой из них, Бекстрём оделся со всей тщательностью. В желтый льняной костюм, голубую льняную рубашку, черные итальянские ботинки ручной работы, и вдобавок сунул пестрый шелко-

вый платок в нагрудный карман пиджака в качестве последнего приветствия своей дорогой жертве убийства. В такой день нельзя было пренебрегать ни одной деталью, и поэтому он в честь праздника поменял свой обычный стальной «ролекс» на золотой, полученный в подарок на Рождество от одного благодарного знакомого, которому он помог справиться с небольшой проблемой.

Уже на пути к выходу перед зеркалом в прихожей он в последний раз окинул себя придирчивым взглядом и проверил, все ли на месте: золотой зажим для купюр с соответствующим количеством наличности и маленькая визитница из крокодиловой кожи в левом кармане брюк, связка ключей и мобильник в правом, черная записная книжка с ручкой, прикрепленной с тыльной стороны обложки в левом внутреннем кармане пиджака, и лучший друг, малыш Зигге в ножной кобуре на щиколотке с внутренней стороны левой ноги.

Бекстрём кивнул одобрительно самому себе и сделал самое важное. Принял умеренную порцию солодового виски из хрустального графина, стоявшего здесь же на столе. А когда приятное послевкусие улеглось, сунул в рот две ментоловые пастилки и еще целую горсть бросил на всякий случай в боковой карман пиджака.

Когда он вышел на улицу, солнце всюду светило с безоблачного неба, и пусть июнь только вступил в свои права, даже в такую рань воздух уже прогрелся до двадцати градусов. Первый по-настоящему летний день, и это точно соответствовало его настроению.

Дежурный полицейского участка Сольны отправил за ним патрульную машину с двумя худыми и прыщавыми юнцами, явно не отличавшимися большим умом. К счастью, по крайней мере, один из них, сидевший за рулем, понимал, как принято вести себя со старшим по званию. Во всяком случае, он подвинул свое кресло вперед, чтобы Бекстрём смог с комфортом разместиться на заднем сиденье и не помял свои отлично отутюженные брюки, а потом попробовал завести разговор.

— Доброе утро, шеф, — сказал он и кивнул вежливо. — Неплохой денек намечается.

— Похоже, погода будет на загляденье, — констатировал его коллега. — Приятно встретиться с комиссаром, кстати.

— Ольстенсгата, 127, — буркнул Бекстрём, кивнул коротко и, чтобы пресечь дальнейший обмен мнениями, демонстративно

достал свою записную книжку и сделал в ней первую запись служебного характера. «Комиссар Эверт Бекстрём покинул свой дом на Кунгсхольмене в 07.00 и поехал на место преступления», — написал он, однако его уловка явно не сработала, поскольку еще до того, как они повернули на Фридхемсгатан, болтовня возобновилась.

— Странная история. По словам дежурного, Томас Эрикссон, наш убитый, вроде был адвокатом. — Водитель кивнул, а потом продолжил: — Это ведь, наверное, необычно. Когда убивают адвоката, я имею в виду.

— Да, подобное почти никогда не случается, — согласился его коллега.

— Это уж точно, — подал голос Бекстрём. — К сожалению, такое происходит слишком редко.

«Еще два полных идиота. Откуда они берутся? Почему никогда не кончаются? И почему им всем обязательно надо становиться полицейскими?»

— А может, покойный впутался в какое-нибудь дерьмо? Он же был адвокатом, подобное для них в порядке вещей, верно?

Сейчас свободный от руля патрульный обернулся и обращался прямо к Бекстрёму.

— Как раз над этим я собирался поразмыслить, — ответил Бекстрём спокойно. — Пока вы везете меня до места преступления на Ольстенсгатан. В тишине.

«Ну наконец, — подумал он десять минут спустя, когда они остановились перед большой белой каменной виллой в стиле пятидесятых годов с собственным участком берега, лодочным сараем и уходящим далеко в озеро Меларен причалом, который наверняка стоил его владельцу больше, чем мог заработать без вычета налогов обычный полицейский за всю свою жизнь. — Не самое плохое место преступления. И чем, интересно, занимался этот идиот в своей хибаре в такое время?»

В основном все выглядело как обычно в подобной ситуации. Сине-белая оградительная лента, помимо принадлежащего вилле земельного участка захватившая еще приличный кусок улицы с обеих сторон от дома. Две патрульные машины и микроавтобус полиции правопорядка и конечно же три автомобиля криминального отдела. Слишком много томящихся от безделья коллег, большая часть которых просто составляли компанию тем, кто приехал раньше. Несколько журналистов в сопровождении фотографов и, по крайней мере, один оператор какого-то телеканала. Плюс десяток местных зевак, значительно лучше одетых по

сравнению с традиционной публикой того же сорта, притом что на удивление многие из них имели с собой одну или даже нескольких собак самого разного размера.

Правда, выражение глаз у них было абсолютно таким же, как и у их менее обеспеченных собратьев. С толикой страха в самой глубине, но главным образом с надеждой на то, что если сейчас и случилось самое худшее, то оно все равно никоим образом не затронуло их.

«Бывают же такие дни, — подумал Бекстрём. — Целая жизнь ничто без них. И даже если этот день единственный».

Он вышел из машины, кивнул своему прыщавому водителю и его столь же прыщавому напарнику, покачал головой стервятникам из средств массовой информации и взял курс на входную дверь дома, который еще несколько часов назад принадлежал убитому. Это была не первая прогулка по такому делу в его жизни, и наверняка не последняя, но как раз сейчас она дорогого стоила, и, будь здесь один, Бекстрём не сдержался бы и пустился бы в пляс, поднимаясь по лестнице в жилище жертвы.

НЕДЕЛЯ ПЕРЕД НАИЛУЧШИМ
ДНЕМ — САМАЯ ОБЫЧНАЯ.
С КАКОЙ СТОРОНЫ НИ ПОСМОТРИ

Понедельник 27 мая, ровно за неделю до того дня, которому предстояло стать лучшим в его жизни, выдался самым обычным, даже чуть хуже любого заурядного понедельника, и начался он совершенно непостижимым образом даже для такого умного и искушенного человека, как Бекстрём.

В буквальном же смысле речь шла о двух делах, по непонятной причине попавших на его стол. И первое касалось бедолагикролика, изъятого у нерадивого владельца по решению правления Стокгольмского лена. А второе — вроде бы приличного и имевшего отношение ко двору господина, по показаниям анонимного свидетеля, избитого каталогом лондонского аукционного дома Сотбис, в довершение всего еще и на парковочной площадке перед дворцовым комплексом Дроттнингхольм, всего в сотне метров от апартаментов его величества короля Швеции Карла XIV Густава в такое время, когда тот обычно почивал.

Комиссар Эверт Бекстрём уже несколько лет возглавлял отдел насильственных преступлений не самого маленького по размерам Вестерортского полицейского округа. Триста пятьдесят квадратных километров суши и воды между озером Меларен на западе и заливами Эдсвикен и Сальтшён на востоке. Между заставами центра Стокгольма на юге и Якобсбергом и внешними шхерами озера Меларен на севере. И если бы дело происходило в США, где обычные люди имеют право голоса, Бекстрём, естественно, стал бы их всенародно выбранным шерифом.

Сам он привык думать об этом анклаве, как о своем собственном королевстве с тремястами пятьюдесятью тысячами жителей. Из коих самыми важными были его величество король, прожи-

вавший со своим семейством во дворцах Дроттнингхольм и Хага, и, кроме того, дюжина миллиардеров и несколько сотен миллионеров. Вместе с тем в нем также обитали несколько десятков тысяч тех, кому приходилось существовать на пособие или даже нищенствовать и совершать преступления, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Плюс все обычные люди, конечно, просто сами заботившиеся о себе, зарабатывавшие своим трудом на хлеб насущный и не причинявшие никому беспокойства той жизнью, которую вели. В любом случае редко придумывавшие что-то такое, из-за чего сведения о них могли попасть на письменный стол Бекстрёма в большом здании полиции в Сольне.

Хотя, к сожалению, не все проживавшие там столь же чтили закон, как они. В результате за год в его округе накапливалось почти шестьдесят тысяч заявлений о различных правонарушениях. И пусть большинство из них, конечно, составляли обычные кражи, акты вандализма и прегрешения, связанные с наркотиками, это все равно нисколько не радовало. Если же говорить о преступности Вестерорта в целом, она охватывала всю социальную шкалу. Начиная от горстки гангстеров, за один раз зарабатывавших сотни миллионов на финансовых аферах и по традиции ходивших в костюмах в вертикальную полоску, и заканчивая тысячами мелких воришек, тыривших в местных торговых центрах всякую ерунду вплоть до пива и таблеток от головной боли.

Так обстояли дела с темной стороной жизни в его вотчине, однако с большинством из ее проявлений все было столь хорошо, что они оставляли Бекстрёма равнодушным. Ведь всю свою жизнь в качестве полицейского он занимался тяжкими насильственными преступлениями. А поскольку убийств, изнасилований и ограблений всегда хватало, собирался делать это до самой пенсии. Плюс на нем еще висели всякие придурки вроде пироманов, педофилов и прочей шушеры, включая даже того или иного эксгибициониста или любителя заглядывать в чужие окна, которому, пожалуй, в каком-то случае могло взбрести в голову перейти к реальным действиям. Поэтому с работой порой зашкаливало. И чтобы справляться с ней в меру достойно, Бекстрёму требовалось в первую очередь уметь отличать большое от малого. И в понедельник, за неделю до лучшего дня своей жизни, он, к сожалению, не слишком в этом преуспел, пусть вроде ничто не предвещало беды и все началось как обычно.

А именно с традиционного для подразделения Бекстрёма первого за неделю утреннего совещания. На нем подводили итоги всего человеческого зла, случившегося на предыдущей неделе,

настраивались выложиться с полной отдачей до новых выходных и обсуждали тот или иной старый случай, который в силу его значимости нельзя было просто отправить в архив и перестать думать о нем.

И там, как обычно, присутствовали все его помощники в количестве двух десятков человек. Крайне пестрая компания, где только один умел держать язык за зубами и вполне мог действовать самостоятельно. Еще полдюжины, правда, по крайней мере, делали то, что он им говорил. С остальными же все обстояло достаточно плохо, и не будь сильной руки Бекстрёма и его четкого руководства, умения отличить большое от малого, на торжество закона не стоило бы и рассчитывать.

Но сейчас наступила новая неделя, все опять собрались на традиционную встречу, и для комиссара Бекстрёма пришло время снова поднять меч правосудия, а всякую ерунду вроде Госпожи Фемиды с ее весами он предпочитал оставлять чистоплюям и бумажным душам из руководства.

3

— Добрый день и садитесь, — сказал Бекстрём, опустившись на свое обычное место с торца длинного стола для совещаний.

«Лентяи и пустоголовые дьяволы, — констатировал он, окинув взглядом своих подчиненных. — Еще только утро, а их уже клонит ко сну, и перед ними значительно больше кофейных чашек, чем приготовленных блокнотов и ручек. Что происходит с нашей полицией? И куда, собственно, подевались толковые старье констебли вроде меня?»

Потом он передал слово своей ближайшей помощнице, инспектору Аннике Карлссон тридцати семи лет. Внушающей многим ужас личности, выглядевшей так, словно она проводила большую часть своего времени в тренажерном зале, размещенном в подвале здания полиции Сольны. Наверняка в том или другом хитром подвальчике, где располагались ночные, злачные заведения тоже, но о подобном он предпочитал не думать.

Она, однако, имела одно явное преимущество. Никто из прочих не осмеливался открыть рот, стоило ей получить слово, и поэтому у нее не заняло много времени пройтись по списку всего случившегося на предыдущей неделе и в выходные. Раскрытого и нераскрытого, успехов и неудач, плюс по новым данным, полученным из самых разных источников, а также заданиям и коман-

дировкам, ожидавшим их в ближайшее время. И естественно, она также познакомила сотрудников отдела со всякой ерундой административного и прочего характера, которую остальным требовалось знать по долгу службы.

И все у нее прошло как по нотам менее чем за час. И в качестве последнего аккорда она даже смогла рассказать, что убийство, случившееся трое суток назад, уже раскрыто, подозреваемый признался и все материалы отправились к прокурору.

Их преступник оказался обычным, не слишком настроенным отпираться пьяницей. Вечером в пятницу он и его дорогая супруга поссорились из-за того, какую телевизионную программу им смотреть. Тогда он отправился на кухню, принес разделочный нож и положил конец дискуссии. А потом позвонил в дверь соседу, чтобы позаимствовать его мобильник и вызвать скорую.

Сосед, однако, уперся. Отказался открывать, памятуя опыт их прежнего общения, и взамен позвонил в полицию. Первый патруль прибыл на место уже через десять минут, но когда коллеги из службы правопорядка попали в квартиру, вопрос о медицинской помощи уже потерял актуальность. Взамен они надели наручники на новоиспеченного вдовца и вызвали экспертов и следователей, чтобы те взяли на себя более тонкую часть полицейской работы.

Уже утром следующего дня ближайший родственник жертвы признался. Конечно, он не помнил всех деталей, за вечер ведь всякого хватало, но в любом случае хотел объяснить им, что уже начал скучать по своей супруге. Конечно, она была строптивой и злопамятной, и жить с ней врагу не желаешь (прежде всего, поскольку она чертовски пила), но, несмотря на все ее пороки и недостатки, он, по его словам, уже затосковал по ней.

— Спасибо за доклад, — довольно сказал Бекстрём и, вероятно, как раз в это мгновение, когда его настроение находилось на пике, все и пошло наперекосяк. Ведь вместо того, чтобы просто закончить встречу, молча отправиться в свой служебный кабинет и вовремя приготовить к ожидавшему его обеду, он кивнул дружелюбно своей помощнице и задал ошибочный вопрос: — Тогда мы, наверное, по большому счету, закончили? Или у тебя есть еще что-нибудь, прежде чем мы займемся рутинной полицейской работой?

— У меня есть два дела, — сообщила Анника Карлссон. — Несколькo необычного свойства.

— Я слушаю. — Бекстрём кивнул ободряюще. Даже не подозревая, о чем пойдет речь.

— Хорошо, — продолжила Анника Карлссон и по какой-то причине пожала широкими плечами. — И первое из них касается кролика, по крайней мере, сначала, если можно так сказать.

— Кролика? — переспросил Бекстрём. «О чем, черт возьми, она говорит?»

— Кролика, которого забрало правление лена, поскольку владелец плохо с ним обращался, — пояснила она.

— И что, черт возьми, под этим подразумевается? — уточнил Бекстрём. — Наш преступник засунул его в микроволновку?

«Так ведь, наверное, все будущие серийные убийцы начинали свою карьеру. Поджаривая живьем длинноухих и засовывая котлов в барабан сушильной машины? Что ж, чем дальше, тем интереснее», — подумал он, и, судя по выражениям лиц всех присутствующих в комнате, не один придерживался такого мнения. Сейчас они как бы очнулись от спячки и с интересом смотрели на Карлссон, а от скучающих мин, с которыми они внимали ее рассказу о двуногих жертвах преступления и их страданиях, не осталось и следа.

— Нет, — ответила Анника Карлссон и покачала головой. — Боюсь, это гораздо более грустная история.

4

— Наш преступник — семидесятитрехлетняя женщина. Госпожа Астрид Элизабет Линдерот 1940 года рождения, — начала Анника Карлссон. — Одинокая бездетная вдова уже пять лет, проживает в собственной квартире в Фильмстадене в Сольне. Чисто из любопытства я пробила ее. Хорошее финансовое положение, помимо всего прочего она, похоже, получает приличную добавку к пенсии за своего мужа и ранее не судима. Ничем у нас не отметилась. Сегодня ее обвиняют в жестоком обращении с животными, плюс кое в чем другом, произошедшем на прошлой неделе. И если ты спросишь меня, то именно из-за последних событий она и попала в поле нашего зрения, поскольку там речь идет о серьезных преступлениях.

— И что же она натворила? — спросил Бекстрём.

— Соппротивление властям, насилие в отношении сотрудника при исполнении, попытка нанесения телесных повреждений, два случая угрозы насилием.

— Но подожди, — остановил ее Бекстрём. — Ты же вроде сказала, что тетке семьдесят три года.

— Так и есть, — подтвердила Анника Карлссон. — Это пожилая дама, поэтому и история крайне печальная. Если ты готов слушать, я коротко введу тебя в курс дела.

— Рассказывай, — милостиво разрешил Бекстрём и выпрямился на своем стуле.

Примерно месяцем ранее правление Стокгольмского лена постановило отобрать кролика у указанной дамы. И поводом для такого решения стало заявление в полицию, написанное ее соседкой за четырнадцать дней до того, как местные власти вынесли свой вердикт. Ни о каком жестоком обращении с животным там, похоже, и речи не шло. Скорее о плохом отношении и недостаточной заботе. Как-то владелица кролика уехала на несколько дней и забыла оставить ему еду, в результате чего бедняге пришлось голодать до ее возвращения. А несколько раз он оказывался на лестнице, поскольку хозяйка забывала закрыть дверь своей квартиры, и он, воспользовавшись случаем, выбрался наружу. И однажды его покусала соседская такса.

— Мне пришло в голову, что владелица кролика, пожалуй, значительно старше, чем указано во всех документах, — сказала Анника Карлссон и по какой-то причине покрутила указательным пальцем у своего виска. — Исходные данные вообще пришли от наших коллег из Сити, из новой группы по защите животных. Там, похоже, действовали необычайно быстро и отчасти, наверное, по той причине, конечно, что госпожа Линдерот уже в январе подвергалась подобным мерам. Тот же заявитель, то же решение со стороны правления, хотя тогда речь вроде шла о хомяке.

— Старуха, похоже, идет по возрастающей, — усмехнулся Бекстрём. Он удобно откинулся на спинку стула и внезапно пришел в отличное расположение духа.

— По возрастающей? О чем ты?

— Ну, кролик ведь наверняка в два раза больше хомяка, — объяснил Бекстрём. — В следующий раз она, пожалуй, притащит домой слона. Откуда мне знать? Хотя я по-прежнему не понимаю, почему мы должны заниматься ее историей.

— Тогда я должна объяснить это, — сказала Анника Карлссон. — Во вторник на прошлой неделе, то есть 21 мая, когда двое наших коллег из группы защиты животных вместе с двумя чи-

новниками из правления лена собирались выполнить решение о том, чтобы забрать кролика из квартиры госпожи Линдерот, она сначала отказалась открывать. После долгих уговоров в конце концов чуточку приоткрыла дверь, однако, оставив ее на цепочке и просунув в щель пистолет, приказала им немедленно исчезнуть. Коллеги отступили и вызвали подкрепление.

— Из национального спецподразделения? — Бекстрём с интересом посмотрел на Аннику Карлссон.

— Нет, вынуждена тебя разочаровать. Мы отправили туда одну из наших патрульных машин. Одна из наших коллег знает госпожу Линдерот — она с ее матерью старые приятельницы, и после продолжительных переговоров открыла дверь и впустила их. Конечно, возмущалась, но, во всяком случае, особо не буйствовала. Пистолет оказался антикварным, восемнадцатого столетия. Если верить коллегам, он не был заряжен, и, по-видимому, из него не стреляли последние двести лет.

— Вот оно как, — разочарованно произнес Бекстрём.

— Это еще не конец. — Анника Карлссон покачала головой.

— Можно себе представить, — буркнул Бекстрём.

— И все было нормально, пока женщина-ветеринар из правления лена не стала засовывать кролика в клетку. Тогда госпожа Линдерот вооружилась чайником и начала угрожать ей. Ее обезоружили, посадили на диван, коллеги из Сити и оба чиновника покинули квартиру, прихватив с собой живность. А наши собственные коллеги остались и поговорили с ней. Согласно рапорту, она была спокойна и держала себя в руках, когда они уходили.

— Приятно слышать, — кивнул Бекстрём. — Простой вопрос. Откуда появились обвинения?

— От коллег из Сити, — сообщила Карлссон. — На следующий день. Они написали заявление от своего имени и от лица составивших им компанию чиновников. Неподчинение властям, насилие в отношении сотрудников при исполнении, угрозы насилем, попытка нанесения телесных повреждений. Всего двенадцать различных правонарушений, если я правильно посчитала.

— Теперь все понятно, — усмехнулся Бекстрём. — Старуха ведь представляет угрозу всем нашим социал-демократическим ценностям. Самое время посадить ее в тюрьму.

— Я услышала тебя, понимаю, что ты имеешь в виду, и не вижу никаких проблем. Но мне не нравится заявление об угрозе, которое мы получили в четверг вечером. Оно поступило непосредственно в наш участок. Заявитель сам приходил к нам. Разговаривал с сотрудниками дежурной части.

— Давай я догадаюсь. Коллеги из кролико-хомячкового отдела захотели дополнить что-то, о чем забыли?

— Нет. — Анника Карлссон покачала головой. — Заявитель — соседка госпожи Линдерот. Она живет в том же доме, хотя и на пятом этаже. А наша преступница на самом верху, на восьмом. И именно эта соседка писала заявления на Линдерот, обвиняя ее в плохом обращении и с хомяком, и с кроликом, если тебе интересно. Кроме того, она несколько раз жаловалась в правление квартирного товарищества, но это уже другая история.

— И кто же она?

— Одинокая женщина. Сорок пять лет. Работает на полставки секретарем в компьютерной фирме в Щисте. Никаких замечаний по нашему ведомству. Большую часть своего времени, похоже, тратит на различную общественную деятельность. Помимо всего прочего является пресс-секретарем организации «Защитим наших братьев меньших». Это, очевидно, какая-то радикальная группа, отколовшаяся от «Друзей животных». Там она раньше заседала в правлении, кстати.

— Можно себе представить. И у нее есть имя?

— Фриденсдаль, Фрида Фриденсдаль. Фриденсдаль¹ с «с» посередине. Она сама взяла его себе, а при рождении ее назвали Анной Фредрикой Валгрэн, если тебе интересно.

— Но, черт побери... — Бекстрём почувствовал, как его давление резко пошло вверх. — Ты же сама видишь, Анна. Фрида Фриденсдаль с «с» посередине плюс «защитим наших братьев меньших». Она ведь чокнутая. Что значит — защитим наших братьев меньших? Она болеет душой и за вшей, и за тараканов?

— Я понимаю ход твоих мыслей, и тоже так подумала. Именно поэтому сама допросила ее. Еще в пятницу, у нее на работе, поскольку она отказалась приходить к нам в участок, чтоб ты знал. Если верить ее утверждениям, она не осмеливается больше жить дома. По ее словам, боится за свою жизнь, и пока переехала к подруге. Но как зовут подругу и ее адрес, говорить не хочет. Вроде бы как не осмеливается. Не верит, что полиция сумеет ее защитить. И подруга тоже, конечно. Последняя вообще якобы была замужем за полицейским, и тот избивал и насиловал ее.

— Можно себе представить, — ухмыльнулся Бекстрём.

— Знаешь, я не думаю, что она придумала все, о чем говорит. Если, конечно, не принимать во внимание те или иные преувеличения, какие мы с тобой и нам подобные давно привыкли про-

¹ В дословном переводе со шведского «долина покоя». (Примеч. пер.)

пускать мимо ушей. Она действительно боится. За свою жизнь просто-напросто. А если говорить об угрозе, про которую она рассказывает, там все не слишком хорошо. Чистая статья уголовного кодекса, вне всякого сомнения.

— Вот как, — сказал Бекстрём. — И что произошло?

«Я просто сгораю от любопытства, — подумал он. — Можно что угодно говорить о коллеге Карлссон, но ее не легко напугать».

— Я сейчас расскажу, но у меня не укладывается в голове другое.

— А именно?

— Я и представить себе не могу, чтобы то, о чем идет речь, исходило от старой госпожи Линдерот. Это уж чересчур для приятной пожилой дамы. Просто невозможно поверить, но, по словам Фриденсдаль, та на сто процентов уверена, что именно соседка стоит за угрозами в ее адрес.

— Ладно — сдался Бекстрём. — Я слушаю.

5

В четверг Фрида Фриденсдаль оставила свое рабочее место в Щисте в пять часов вечера, спустилась в гараж, села в автомобиль и взяла курс на торговый центр Сольны, чтобы купить все необходимое на выходные. Закончив с этим, она поехала домой в Фильмстаден, намереваясь немного перекусить, посмотреть телевизор, а потом лечь спать.

— Согласно ее данным, она оказалась у себя в квартире примерно в четверть седьмого. Приготовила еду, поговорила с подругой по телефону. Села смотреть новости по телевизору и вдруг услышала звонок в дверь. По ее мнению, на часах было чуть больше половины восьмого.

— Она заперлась изнутри, когда пришла? — спросил Бекстрём, уже сумев просчитать дальнейший ход событий.

— Да, дверь была заперта. Сначала она посмотрела в глазок, поскольку не ждала посетителей, а незнакомым людям предпочитает не открывать. Снаружи стоял мужчина в синей куртке того рода, какие носят посыльные, с большим букетом в руке. Она решила, что он доставил ей цветы по чьему-то заказу. И открыла.

— Они никогда ничему не учатся, — прокомментировал Бекстрём.

— Потом все, очевидно, происходило очень быстро. Он входит в квартиру. Кладет цветы на столик в прихожей. Смотрит на нее,

прикладывает палец к губам, призывая к молчанию, но ничего не говорит. Потом показывает на диван в гостиной. Она идет туда и садится. И сама описывает свое состояние так, словно внезапно почувствовала пустоту внутри, страх за жизнь. У нее и мысли не возникло закричать. Перехватило дыхание, и она даже не осмелилась поднять на него глаза. Чуть не лишилась чувств, бедняга.

— И в чем же состояло послание?

— Сначала он вообще не произносил ни слова. Просто стоял там, а потом заговорил совсем тихо, почти дружелюбно, как бы уговаривая, если можно так сказать. Работающий телевизор мешал ей разбирать слова. Но речь шла о трех вещах. Во-первых, он и она никогда не встречались. Во-вторых, она никогда больше ничего не скажет об Элизабет, а если ее все-таки спросят, то ей нужно только хвалить соседку и особенно превозносить ее любовь к животным, рассказывать, как хорошо она заботится о них. В-третьих, он сейчас уйдет. А она должна сидеть на диване еще четверть часа после того, как дверь закроется за ним, и никому ни звука не скажет о том, что сейчас происходит.

— Элизабет? Он назвал госпожу Линдерот Элизабет? Она абсолютно уверена в этом?

— На сто процентов.

Инспектор Анника Карлссон кивнула в подтверждение своих слов.

— Он сказал еще что-нибудь?

«Дрянное дельце!» — подумал Бекстрём.

— Да, к сожалению. Покончив со вступительной частью, которую я сейчас описала, он достал выкидной нож или стилет. Потерпевшей показалось, словно нож неожиданно появился у него в руке. Мужчина просто тряхнул правой рукой, и вот он уже стоит с ним. И, на мой взгляд, речь идет о выкидном ноже или стилете. По ее словам, он был в черных перчатках. Вообще она только тогда и заметила перчатки у него на руках и, если верить ей, уже не сомневалась в его намерениях убить или изнасиловать ее.

— Но он не сделал этого.

— Нет, просто улыбнулся ей. Посмотрел на нее и сказал, что, если она не последует его добрым советам, ей мало не покажется. Он по-прежнему сжимал нож в руке, так что смысл его послания был вполне понятен. Потом он ушел. Забрал цветы по пути. Захлопнул дверь и исчез, словно его и не было. Никаких свидетелей. Никто ничего не видел и не слышал.

— А она сама не могла все придумать?

— Ты бы видел или слышал ее. Этого хватило за глаза, чтобы убедить меня.

— А что было потом?

— Она сидела на диване и дрожала, пока не смогла хоть как-то взять себя в руки. Тогда сразу бросилась звонить подруге, той самой, с которой разговаривала около семи часов. Когда она набирала номер, было, согласно ее мобильному, двадцать одна минута девятого вечера. Подруга пришла, забрала ее, и они вместе приехали к нам и написали заявление. Его приняли в четверть десятого.

— А что подруга? Ты разговаривала с ней?

— Нет, потерпевшая отказывается сообщить ее имя. Та сидела на допросе в качестве свидетеля для моральной поддержки, и тогда она назвалась Лизбет Юханссон и даже дала номера своих телефонов. Домашнего и мобильного. Но, к сожалению, все оказалось вымыслом. Именно она, подруга, якобы была замужем за полицейским, который избивал и насиловал ее. Я, естественно, спросила нашу потерпевшую, почему она или они обе поступают таким образом. По ее словам, ни одна из них не доверяет полиции.

— Есть описание внешности того типа? Она смогла составить нечто подобное?

«Отказывается говорить, как ее зовут и где они живут, но защищать-то мы их должны, — подумал Бекстрём. — Вот лесбиянки чертовы!»

— Да, и по-настоящему хорошее. К сожалению, оно подходит слишком многим, кто трудится на данном поприще. Преступник был одет в темные брюки и короткую синюю куртку с капюшоном из напоминающего нейлон материала. Никаких наклеек или надписей на ней не было, и по данному пункту у нее нет сомнений. Черные перчатки. Однако относительно обуви она не столь уверена. Как ей кажется, речь идет об обычных спортивных туфлях, кроссовках. Белые тенниски, как она говорит. Ростом он примерно метр девяносто. Крепко сложенный, хорошо тренированный, выглядит сильным. Худое, овальной формы лицо с четко выраженными чертами, коротко подстриженные черные волосы, темные, глубоко посаженные глаза, характерный слегка согнутый нос, выступающий подбородок, на щеках трехдневная щетина. Говорит на идеальном шведском без акцента, никакого запаха табака, пота или парфюма. Ему между тридцатью и сорока.

Анника Карлссон делала пометки в своих записях, пока говорила.

— Вот в принципе и все. Я собиралась приготовить подборку фотографий и предложить потерпевшей взглянуть на них. Если

она согласится на новый допрос. Как только мы закончим совещание, вы получите и само заявление, и распечатку нашей с ней переписки по электронной почте.

— Замечательно, — сказал Бекстрём и на всякий случай поднял руку с целью предупредить возможные вопросы и пустую болтовню. — Если ты позаботишься о ней, я возьму на себя то, что наши коллеги из Сити нам навязали. Остается второе, — продолжал он. — По твоим словам, у тебя было два дела. И о чем там речь?

«Лучше сразу разобраться и с ним», — решил он.

— Конечно, — сказала Анника Карлссон и отчего-то поджала губы. — Хотя, по-моему, пусть лучше Йенни представит его нам. Она занималась им.

Йенни, подумал Бекстрём. Йенни Рогерссон, его последнее приобретение и самая молодая сотрудница, которую он лично завербовал в свой отдел. Блондинка с длинными волосами, бело-снежной улыбкой и шикарным декольте. Единственная отдушина в том дурдоме, где ему приходилось проводить свои серые будни. Услада его глаз и бальзам души, будоражившая его фантазию и дарившая надежду на другой и гораздо лучший мир даже в такой понедельник, как этот.

6

— Спасибо, Анника. — Йенни Рогерссон склонилась над стопкой бумаг, лежавшей перед ней на столе.

— Я слушаю, — бросил Бекстрём коротко.

«Здесь ведь я отдаю приказы, если кто-то забыл».

— Спасибо, шеф, — сказала Рогерссон. — Да, если начинать с заявления о преступлении, то оно поступило в прошлый понедельник, 20 мая, во второй половине дня. Его оставили у дежурного, но, кто именно, неясно, поскольку там тогда хватало народа. Кому-то требовалась помощь с паспортом, другим с чем-то иным. Заявление анонимное. Письмо адресовано нашему участку, и в самом верху на нем указан адресат. Я цитирую: «В криминальный отдел полицейских властей Сольны». Ниже в качестве заголовка, я также цитирую: «Заявление об избиении на парковочной площадке около дворца Дроттнингхольм в воскресенье 19 мая сразу после одиннадцати часов вечера». Конец цитаты. Само событие, следовательно, произошло предыдущим вечером. Вот и все, что пока можно сказать об этом.

И.о. инспектора Йенни Рогерссон кивнула в качестве подтверждения своих слов.

— И о чем там речь? — проявил нетерпение Бекстрём.

— Это длинный рассказ, почти на двух страницах, где заявительница описывает случившееся. Он напечатан на компьютере, хорошо сформулирован, никаких грамматических ошибок, хотя, пожалуй, немного путанный. И в конце заявительница говорит, что хотела бы остаться анонимной, но уверяет в правдивости всей истории.

— Она? С чего ты взяла, что речь идет о женщине? — спросил Бекстрём.

«Боже, какие у Йенни буфера, — подумал он и положил ногу на ногу на случай, если его суперсалями сейчас зашевелится. — Плюс еще маленький черный топик, удерживающий их вместе. С ума сойти!»

— Я так подумала. На мой взгляд, это явно читается между строк. Помимо всего прочего, она мимоходом упоминает своего умершего мужа. Пожилая образованная женщина, вдова, которая вдобавок живет очень близко к дворцу. Я почти на сто процентов уверена в этом, и, если шеф хочет, могу привести несколько примеров, — сказала Йенни Рогерссон и улыбнулась Бекстрёму, обнажив белые зубы.

— Расскажи, что произошло, — попросил Бекстрём.

«О господи», — взмолился он, поскольку его суперсалями определенно обнаружила, куда устремлены все мысли комиссара, и явно пыталась превратить хорошо отутюженные брюки черт знает во что.

— По данным заявительницы, она совершала обычную вечернюю прогулку со своей собакой. Шла в юго-восточном направлении через ту часть парка, которая находится совсем близко к дворцовой ограде и, приблизившись к парковочной площадке, услышала возбужденные голоса двух мужчин. Они стояли с северной стороны около теннисных кортов и разбирались между собой. Один из них был особенно возмущен, он кричал и ругался на другого.

— Я слушаю, — сказал Бекстрём и подвинул свой стул вперед, так что его суперсалями оказалась под поверхностью стола.

— Да, скандалист стоял рядом с припаркованным автомобилем, но какой тот марки она не знает. Единственно, если верить ей, черный и на вид дорогой — БМВ, «мерседес» или нечто похожее. Но вообще там не было больше никаких людей и других машин тоже. Услышав спорящих мужчин, она остановилась и,

если я правильно все поняла, стояла под защитой ограждения теннисного корта на расстоянии примерно тридцати метров от беспокойной парочки. Чтобы они не обнаружили ее, значит.

— О'кей, о'кей, — пробормотал Бекстрём, ощущая все большую потребность на что-нибудь переключить свои мысли с глубокой впадины между грудями Йенни Рогерссон. Особенно когда она сейчас повернулась к нему, до минимума сократив расстояние между ними. — Поправь меня, если я ошибаюсь, — продолжил Бекстрём. — Двое мужчин выясняют отношения, и один из них гораздо более агрессивен — он кричит и ругается на другого. Плюс наша свидетельница, которая прогуливается с собакой и прячется от дебоширов за забором, чтобы ее не обнаружили.

— Она, собственно говоря, одна, эта наша свидетельница, — заметила Рогерссон. — Ее собака ведь умерла. Еще осенью. Это, кстати, был королевский пудель. Его звали Сикан. Об этом она тоже упоминает в своем заявлении.

— Но постой, постой... — не дал ей продолжить Бекстрём. — Подожди минутку. Ты имеешь в виду, что старуха ходит по парку перед дворцом Дроттнингхольм среди ночи и таскает с собой дохлую псину?

— Мне ясен ход твоих мыслей, — кивнула Рогерссон и на всякий случай одарила его еще одной улыбкой. — Но, если я все поняла правильно, наша заявительница все годы, пока собака была жива, а Сикану исполнилось пятнадцать, прежде чем он умер, совершала одинаковую вечернюю прогулку с ним. Всегда шла одной и той же дорогой. От дома, где живет, на юг, юго-восток, вокруг парковочной площадки перед Дроттнингхольмским театром, а потом тем же путем назад. Это стало привычкой для нее, и она, очевидно, продолжала в том же духе и после смерти Сикана. Правда, в одиночестве тогда, конечно.

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Сикан, значит? Кобель, то есть?

— Да, конечно. — Йенни Рогерссон широко улыбнулась, раздвинув алые губы и обнажив белые зубы. — Это кличка, значит, которую...

— Ага, да, — кивнул Бекстрём. — Но если мы сейчас...

— Извини, что я вмешиваюсь, но, наверное, неплохо узнать, чем, собственно, все закончилось? — заметила Анника Карлссон с ледяными нотками в голосе, по неизвестной причине бурявая злым взглядом ни в чем не повинного Бекстрёма.

— Да, извини, я немного сбилась, — констатировала Йенни Рогерссон. — Итак, вкратце, значит, у нас есть мужчина, наш пре-

ступник, который очень возбужден и кричит и ругается на другого, на нашу жертву, следовательно, и одновременно размахивает предметом, который держит в руке и который наша свидетельница сначала приняла за кусок толстой трубы. Потом он просто подходит и бьет другого мужчину прямо по лицу. В результате тот падает, и дальше избиение продолжается. Несчастный ползает на четвереньках по парковочной площадке, в то время как преступник пинает его ногой и бьет куском трубы. Потом он явно пытается засунуть его между ног своей жертве и одновременно наносит ей заключительный удар ногой под зад. А затем просто убирается восвояси — садится в автомобиль и уезжает. Между тем его жертва поднимается на ноги и бегом покидает площадку.

— Она видела номер автомобиля? — спросила Анника Карлссон.

— Нет. Она его не разобрала. Но достаточно уверена, что последняя цифра, возможно, была девятка, и предпоследняя вроде тоже. Две девятки в конце, значит, плюс по ее словам дорогой на вид большой и черный автомобиль. В этом она уверена на сто процентов.

— А что с куском трубы? Орудием? Насколько я понимаю, он остался на парковочной площадке.

— Да, конечно. — Рогерссон кивнула с восторженной миной. — Хотя оказалось, что это никакая не труба.

— Не труба? — спросила Анника Карлссон с удивленными нотками в голосе.

— Нет, каталог произведений искусства. Тот, кто бил, свернул его в трубку, и поэтому он воспринимался как кусок трубы. Он вообще принадлежит известной аукционной фирме. Знаменитой на весь мир. Она торгует произведениями искусства. Я проверила через Гугл: она называется Сотбис и находится в Лондоне. Они продают дорогие картины, мебель, ковры, предметы антиквариата, и данный буклет содержит фотографии массы вещей, которые выставлялись на торги в Лондоне в начале мая. Всего за четырнадцать дней до того, как наш преступник использует его для избиения своей жертвы. У меня он здесь, кстати. — Йенни Рогерссон подняла прозрачный пластиковый карманчик с толстым журналом в зеленой обложке и с надписью «Сотбис» на торце. — Наша анонимная заявительница прислала его. Нашла на парковочной площадке и поняла, что именно его она, наверное, видела. Каталог и ее заявление лежали в обычном толстом конверте из тех, какие можно купить на почте. Вдобавок на нем пятна крови, на каталоге то есть. Он забрызган и испачкан ею. И кровь, скорее всего, принадлежит жертве.